

18+

Корниенко Анатолий

Пять лепестков

Стихи и эмоции

Анатолий Корниенко

Пять лепестков.

Стихи и эмоции

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68862228

ISBN 9785005960252

Аннотация

В книгу вошли избранные стихи из четырёх, ранее изданных сборников: «Живая вода», «Глас неба», «Солнце-бумеранг», «Ясные стихи» и стихи, написанные позже. Эта книга дополнена представлением автора о природе эмоций и их влиянием на здоровье человека. Впервые высказывается предположение о правильном и деструктивном движении эмоций. Такое движение согласуется с порядком изменения времён года.

Содержание

Книга издаётся повторно. Первое издание было в 2021 г.	7
От автора	8
Лепесток первый	12
ВРЕМЕНА ГОДА	12
«Был ясен день...»	13
Дюймовочка-лето	15
СлуЧайный сонет	16
Напиток любви	17
Тайны моря	18
«А болтливая волна...»	19
Поцелуй лета	20
«Заглянул рассвет...»	22
Мамино лето	23
Живая вода	24
«солнце совсем не разбилось...»	26
«а дождь грибной бывает только раз...»	27
«семянт мальчишек ноги ...»	28
«Меня оставят в старом парке...»	29
ОСЕНЬ	30
Девочка-капля	30
Синица-осень	32
Почти как дождь	34

Листопад	35
«Лакал уже сентябрь свой...»	36
«Осеннее раздолье...»	37
«Засушенный цветок жасмина...»	38
«Солнца медный шар тяжёл...»	39
ЗИМА	40
Метелица	40
Будет всё наоборот	42
Полосатая жизнь	43
«Долго ли падали...»	44
Зима-февраль	45
«Изумрудная трава уже под снегом...»	47
ВЕСНА	48
Майский жук	48
«Свет утра слепого сладкого...»	50
«Наглotalся солнца снег ...»	51
Равноденствие	52
Весенний завтрак	53
Белый лист	54
Поцелуй зимы	56
СТИХИ О ЛЮБВИ	58
Лунный глаз	58
Урок любви	59
Любовь внутри	60
Сонет о любви роботов	61
Сапфо	62

Сонетное сплетение о превратностях любви	64
С другой стороны эха	69
Во имя всего земного	71
Лепесток второй	73
Луковица в башке	73
Перфоманс	75
Манна	77
Пляшут коровы	79
«В прошедшей жизни стержнем...»	80
Ловушка снов	81
«Случилось так у этой наготы...»	83
Бегство без правил	84
Осень везде	85
Он смог	87
Солнце-бумеранг	88
Странные стихи	89
Лист Цурэна	92
Свет звезды	94
Карусель	96
Амброзия	97
Золото Макены	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Пять лепестков

Стихи и эмоции

Анатолий Корниенко

© Анатолий Корниенко, 2023

ISBN 978-5-0059-6025-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Книга издаётся повторно.
Первое издание было в 2021 г.**

От автора

Когда я готовил к изданию в 2010 году свой первый сборник стихов «Живая вода», я впервые заинтересовался вопросом, могут ли стихи обладать лечебными свойствами. Натолкнули меня на это слова одного известного поэта лирика В. Гурова на сайте Стихи-Ру, где я публиковал свои произведения. Обсуждалась тогда, только что написанная мной шуточная поэма «Гоголь-моголь» на странице «Ноев Ковчег». В то время на этой «стихирной» площадке разыгрывались настоящие критические литературные бои. Я уже успокоился после обрушившегося на меня шквала критики и сказал Гурову, что «я не волшебник, а только учусь» и меня нельзя сравнивать с такими выдающимися поэтами стихирьы как, например Черная Лиса (кстати, наша общая с ним любимая украинская поэтесса.) На что он мне ответил так, что меня сильно удивило и даже озадачило. Он сказал, что мои стихи не настолько идеальны, как стихи «Лисы», но в отличие от её стихов они живые и ещё, что в них есть что-то исцеляющее. Я ответил ему, что это должно быть вполне естественно, я же врач и на этом мы закончили беседу. Наверно, у каждого человека что-то пишущего, есть в жизни такие моменты, когда он решает – писать или не писать. Этот «момент истины» был и у меня именно тогда. В последующем я стал задумывать-

ся – неужели профессия человека как-то влияет на его литературное творчество? Я стал искать то положительное в стихах, что может лечить человека. И я убедился в том, что главное в написании стихов это не рифмованные строчки, записанные столбиком, главное это образное мышление. Образы напрямую связаны с эмоциями человека. А эмоции дают нам энергию – ту, которая заставляет нас жить, любить, творить. Но и это ещё не всё – образное мышление – это и прямой путь к познанию мира. Представьте, сколько нужно бродить в лабиринтах математических формул, чтобы сделать открытие. Но вот – упало яблоко и у Ньютона в голове вдруг всё «срослось» – родился закон всемирного тяготения.

Часто бывает так: я читаю хорошие стихи и множество эмоций переполняют меня. Возникают десятки ассоциаций, реминисценций (воспоминаний), аллюзий (похожих образов) помимо обычных удовольствий от рифм, мелодики и конечно смысла стиха. Иногда дрожь проходит по телу и хочется читать, впитывать в себя ту эмоциональную энергию, которая затрачена автором на создание стихотворения. Я это понял, когда сам испытывал невероятный эмоциональный подъём, когда писал свои стихи. Человеку свойственно считывать эмоции с помощью зрения, копируя мимику других с лица, с помощью слуха копируя энергию речи или эмоции, заложенные в музыке исполнителем и создателем её. Обоняние, осязание – эти органы тоже передают чувства

другого. Недавно было установлено учёными, что человек, у которого мимика лица нарушена (например введение ботекса или «подтяжками») не только сам амимичен, но он не ощущает и не распознаёт эмоции других, в такой мере как раньше. Все мышцы лица, тела, рук, ног участвуют в передаче эмоций. Особенно мышцы грудной клетки напрягаясь, расслабляясь, вибрируя как струны создают ощущения радости, печали, восторга или гнева. Хотя эмоции рождаются в мозгу в нейронных сетях особой лимбической системы с последующим выделением особых нейромедиаторов -, гормонов «счастья» или угнетением их, но инструмент, который их воспроизводит – это наше тело: кожные покровы, мышцы, нервы по которым пробегает мпульс. Реагируют и внутренние органы и нервные окончания – тактильные, тепловые, холодовые, болевые и, особенно мелкие сосуды – артериолы и капилляры, которые создают фон эмоциям. Мозг играет на струнах и клавишах нашего тела, исполняя «симфонию страха, гневный марш, траурный реквием или фугу радости». Люди с полным параличом мышц и отсутствием чувствительность кожи при повреждении шейных позвонков, которых мне приходилось лечить, почти не испытывают эмоций и когда закрывают глаза, то быстро засыпают.

Вся наша жизнь наполнена эмоциями. Эмоций ни так уж много. На востоке считали, что их всего пять основных: радость, раздумье, печаль, страх и гнев. Но есть разнообраз-

ные их комбинации и, главное,

большую роль для функционирования организма играет переход от одной эмоции к другой, т.е. – движение эмоций по продуктивному или деструктивному типу. Об этом вы сможете прочесть в авторской статье «Стихи и эмоции» в конце книги.

Анатолий Аркадьевич Корниенко

Лепесток первый

из книги «Живая вода» (2010 г.)

ВРЕМЕНА ГОДА Лето

«Мы должны уметь радоваться так, как мы радуемся лету и сохранять радостное раздумье, когда радость уходит» (из книги – «Живая вода»)

«Был ясен день...»

Был ясен день
и небо ёмко,
и воздух, сжавшись
словно тень,
сбежавшая к полудню,
тонко
звенел и дребезжал,
хотел
рассыпаться
как колокольчик
по листьям кленов
по пруду
и по скрипучему
мосту, зачем то
забегал вперед,
меня толкал в водоворот
оживших мыслей,
что как осы
лениво пили чувств нектар,
потом всплывали
как вопросы,
им всё казалось неспроста.
Восторг ходил
на тонких ножках
по бликам

солнечных лучей,
он был свободен
и ничей, сам по себе —
потомок кошки,
лакал возникшей мысли смех
и радовался больше всех.

Дюймовочка-лето

Лето красное, ну ни дать ни взять
Красна девица – как иначе же.
И цветов восторг и узор под стать —
Хохлома не в счёт, и голубка гжель.
Развеснучилась одуванчиками,
Разрумянилась клевером розовым.
Целовалась с нарциссами мальчиками
И ромашки вплетала в косы себе.
И писала стихи незабудками,
И улыбкой светилась лилейною.
Обменялась с подсолнухом шутками,
Вверх выюночком поднявшись затейливым.
Из пшеничных ресниц васильковые
Раскрывала глаза – где там львиный зев?
Подорожником тропочки новые
Расчертила разметку, в муравку сев.
И поделав дела, лепестки развела
У кувшинки над круглыми листьями.
И дюймовочкой в сказочку до утра —
В дом-цветочек вернулась свой истинный.

СлуЧайный сонет

Апельсин утонул в молоке
предзакатном и... выплыл из утреннего.
Сладким кремом ложились на кекс
облака, отдыхали там будто бы.

И на этом совсем небольшом
обстоятельстве (что здесь зазорного?),
шоколадный вышагивал слон
и командовал красными зорями.

Он давил для варенья кизил,
чтобы не был их чай снова приторным
и значительно произносил:
— Не пускайте светило без свиты вы —
стаи бабочек из мармелада.
Только с красными — белых не надо!

Напиток любви

Из чашки лета голубой,
Зарёй заваренный напиток,
День пьёт. И мне хотелось пить так
Те дни, согретые тобой,

Те ночи – сказочные сны,
Любви бокал доверху полный.
И чай в постель, и лень, и полдень
На солнцепёке у сосны.

Тягучей карамели зной
Лил взгляд твой блеском озорным...
Был воздух прелый и грибной,
Со вкусом на губах ночным.

Я помню, горячей любил.
Как жаль напиток тот остыл.

Тайны моря

Там где края света нет
В бубен-солнце бьёт рассвет.
Это в море-ванну
Входит утро раннее
Тронет воду лёгкий бриз —
По волнам сверкая, вниз
Тянется дорожка —
Утро мочит ножки.

Как поплещется оно,
Брызги вниз слетят на дно,
В жемчуг превращаются,
Радовать красавицу.

И проходит по воде
Ангел в серебро одет

«А болтливая волна...»

А болтливая волна
Поднялась с морского дна,
Шепчет с пеной на губах
Тайны в уши берегам:

– Штиль замучил скукой,
Шторм – вот лучший друг мой.
Я была на самом дне,
Когда он пришёл ко мне,

Как он море размешал! —
Всё искал, а где душа?

Поцелуй лета

У лета сарафан с оборкой.
А я почти чумной от чувств.
На лодочке – арбузной корке
скорее в лето прокачусь!
Упал и встал, а лето даже
и не заметило меня.
В «песочнице» огромной пляжа
мне так хотелось всех обнять.
Но только божия коровка
меня увидела, слетев
откуда-то как планер ловко
мне на ладошку. Оробев,
раскрыла крылышки – смешная,
дрожит летающий цветок,
но не летит – коровка знает,
как я сегодня одинок.
– Скажи красавица, где бог твой —
здоров ли, пьёт ли молоко?
Пусть не болеет.
Вдруг, с тревогой
она взглянула и легко
исчезла. Я в потоках ярких
искал её, лелея страх.

И сердце, словно на байдарке

качалось с солнцем на волнах.

День проскользнул сквозь пальцев сито,
бежит, играя, озорной.

Я лету говорю открыто:

– А ты, красавица со мной?

Мы эту ночь с тобою будем,

ты целоваться научи,

довольно этих серых буден!

Оно вздохнуло и молчит.

– Я просто, чтобы показало,

как поцелуем губы жжёт...

Над морем – синь в сугробах алых
и абажур заката жёлт.

И «лето» губы протянула:

– Целуй скорей меня, дружок!

И так зажгло, пчелиный улей

Такое сделать бы не смог.

А губы ночь потом горели —

Я был в восторге как дурак!

Что это было в самом деле?

Не помню... лето звали как.

«Заглянул рассвет...»

Заглянул рассвет
Как-то рано в ночь.
– Ничего в ней нет! —
И помчался прочь.
– Ты увидеть здесь
Милый, что хотел? —
Тот зарделся весь,
От стыда сгорел...

Мамино лето

С детства любимые, самые- самые
Солнечные листки.
Ты обводила пальчики мама мне,
Грея теплом руки.
Лето у жизни короткая сказочка —
Детский рисунок мой:
Точки две, круг, запятая и палочки —
Вот он сыночек твой.
Тянутся к небу ладошки зелёные-
Маленькие листки.
Солнцу раскрытая крона-корона,
В сень её сядешь ты.
Нежно погладишь ладошкой ладошку
И по прожилкам ток
Вдруг пробежит... и ты жизнью немножко
Той проживёшь, как листок...

Живая вода

Ноги корнями траву проросли уже
В мягкий дерновый пух.
Тело вытягивается из земли
Взмахами новых рук.

Сердце, зачем ты мне?
Сок во мне, а не кровь.
Радостно он течёт
В корни и листья все,
Солнцем чтоб жить одним —
Радостью истиной.

Мысли молчат под корою шершавую
В трещинах мозг застыл...
Делает вновь мне причёску кудрявую
Солнечный хлорофилл.

Видишь, любимая —
Куст я уже большой
Ну, оборви с меня
Белыми ручками,
С пальцами длинными —
Все цветы лучшие.

Синие, белые, красные полосы:

Радуга радует взгляд.
Ветер и дождь шевелят мои волосы
И лепестков прядь.

Глазкам сиреневым —
Тысячам маленьким,
На дно закапано
Слёзками-росами,
Словно живой водой.
Взгляд, видишь, ожил их?
Здравствуй хорошая!

«солнце совсем не разбилось...»

солнце совсем не разбилось,
просто упало нам в руки
греет, живое —
спасибо за милость,
всей земли
милость,
други...

две половинки сердца есть —
радостно знать нам это,
сблизила нас
инерция глаз,
инерция губ
и... лета.

«а дождь грибной бывает только раз...»

а дождь грибной бывает только раз,
хотя мне дед наврал – я точно видел:
их было много – видимо-невидимо
с такими шляпками, поодиночке, семьями
летели, я не отрывая глаз
следил заворожённый как на чудо.
они спускались словно парашюты
и было, помню, точно воскресенье.

«семят мальчишек ноги ...»

семят мальчишек ноги —
босикомым хорошо,
сквозь соседский сад к дороге
я бы тоже с ними шёл,
через поле и овраги
я себя в такой ватаге —
точно бы нашёл.

«Меня оставят в старом парке...»

Меня оставят в старом парке
лежать забытым. Будет ветер
шуршать листьями. Мне подарка
другого не желать, поверьте.

Мне солнце выбелит страницы,
а дождь, ремарки многоточий
на них поставит и умчится —
мол, это мне понятно очень.

И прилетит ворона, глянет
чуть наклонив головку набок,
а воробьи, испортив глянecь,
прочь упорхнут — оно им надо?
И... сядет девочка. Косички
поправив, полистает. Щёчки
зардятся — это на страничке
любовь и... точки, точки, точки.

ОСЕНЬ

*«Мы должны уметь чувствовать печаль, как
мы чувствуем её во всём многообразии и богатстве
красок осени»*

(из книги «Живая вода»)

Девочка-капля

Черной Лисе

Так было, а может, казалось уставшему:
Сквозь зонтик (по осени дождь моросил)
Стучится, пищит, я подумал – в ушах шумит,
Прислушался – голос зовёт, что есть сил.
То девочка-капля летает без имени,
Так здорово спряталась в струи дождя.
Я руки и губы скорей пододвинул им,
Тем каплям, любовно пронзившим меня.
Она мне поведала истину тайную,
Что память воды – наша вечная жизнь.
Для тех, кто бессмертьем прошёл испытание,
В небесные звуки себя разложив.
Я тут же поверил, по каплям узнав её —
Ту, всё написавшую это стихах своих.

Синица-осень

Затронули луча осеннюю струну:
Летающий лист, и паутинка на ветру,
Синичка, сделавшая ритуальный круг,
К старушке с семечками на углу у школы.
И скерцо лета, променяв на менюэт,
Пропели утки, оставляя нотный след...
Им всем конечно, оправданья нет,
За то, что наполняют меня думой снова.

У винограда сморщился резной листок —
Так почку торопился напоить он в срок.
А осы высосали весь из ягод сок.
И эта грусти гроздь – старуха-осень
Отдаст всё, как лоза – бери, неси в свой дом.
Оскомину любви разбавила вином.
А я спрошу у осени: «Любовь почём?»
Я на зиму хочу в запас. Года бы сбросить.

А бабушка синичек любит привечать.
Печаль в её лице – ушедших лет печать
Разгладится в улыбку, и умчат назад,
Укрытые в глазах воспоминания.
– Почём бабуля, семечек продашь стакан?
– Давай милок ладошку, я бесплатно дам;
Синица – вестница зимы с ней рядом там —

Моей любви выпрашивает подаяние.

Почти как дождь

Ретуширует позднюю осень
дождь штрихами – неслышно совсем.
Он привычку нескромную бросил
объявлять громом с молнией всем
о приходе. Стал мелкий, прозрачный,
шелестит на деревьях плащом —
раздевает их. Сделал невзрачным
франта ясеня с дубом. А клён,
всё сорит золотыми листьями —
тротуары засыпал, траву...
Мы с дождём их ногами листали,
Я ходил там, я рядом живу.
Мы сдружились с дождём в этом парке.
На асфальте – рекламы анфас
для меня, и фонарь светит ярко
даже с лужи. А облако страж
за машинами катится змейкой.
Только памятник в парке не рад,
что ни кто не сидит на скамейке
рядом и... не приходит с утра.
Он стоит одинокий, простужен
(что не страшно), но надо бы чтить —
он же памятник! Будет он нужен
как и дождь, как и я. Ну, почти.

Листопад

Прошептал листопад чуть слышно
языками оторванных листьев:

— Умираю, послушать нелишне
вам одну из извечных истин.

Вы пошейте скорей белый саван
из тех звезд, что падают с неба
из хрустального звездного сада,
чтобы жизни уход виден не был.

Торопиться с итогом не надо,
пропоет вам метелица песню
полушепотом снегопада —
ей волшебное слово известно.

А потом все застынет на время,
лишь побрякивать будут морозы,
и потрескивать в почках семя,
пока их не растопят слезы

И растают хрустальные звезды,
и напоят все мертвой водою,
и залечат земли коросты...

Жизнь глаза тогда снова откроет.

«Лакал уже сентябрь свой...»

Лакал уже сентябрь свой
последний день из лужицы.
А сад ещё горел листвою.
А я, устав от дел,
смотрю, листок на яблоне,
как вертолётчик кружится,
чуть выше паучок над ним —
он листиком вертел.
На нитке, еле видимой
он сам висит на веточке,
и держит паутиночку,
и... крутит лапкой лист.
А ветер тоже, видимо,
в помощниках — так легче же!
Ну, паучок, ты умница,
ну, право, как артист!
И в тот момент почудилось —
остановилось времечко,
(не знал, что ощущения
такие могут быть!)
Казалось бог откуда-то
меня целует в темечко,
Я радуюсь букашечке
и значит — надо жить!

«Осеннее раздолье...»

Осеннее раздолье
завёрнуто в пейзаж:
соломенное поле,
по краю антураж —
кусты чертополоха,
на них богатыри,
улиткою дорога
ползёт на лист зари.
Блокнотик – мостик шаткий,
в нём щелки вместо строк,
бегут по ним лошадки —
слова без рук, без ног.
А у дороги олух
со спелой головой
поёт закату соло:
гори, гори, родной!
А солнце мимо хаты
скользнуло мышью в сад
и в тыквах полосатых,
что на плетне висят,
пропало. Нет их краше,
тех тыквенных голов:
там спеет мыслей каша
и семечки стихов...

«Засушенный цветок жасмина...»

Засушенный цветок жасмина
по стенам тени от камина
Дверь приоткрыта. Ветер мышкой
проник – листает вашу книжку.
В ней осени запрятан выдох
и мысли горькие, и... вы в них.

«Солнца медный шар тяжёл...»

Солнца медный шар тяжёл
Дышит жаром самоварным.
Лист напился чая – жёлт,
Как китаец миллиардный.
Тропка в золоте овса
Колет остями коленки,
А у леса волоса
Порыжели как у Генки.
Гена, хоть и мужичок
Неказистый, кажут люди,
Вышиваю рушничок
Петухами – Гена любит.
И не слушаю людей:
Чем рыжей – тем дорожей!

ЗИМА

*«Мы должны уметь бояться, остерегаться,
ограничивать свои эмоции так, как мы чувствуем
это холодной зимой»*

(Из книги «Живая вода»)

Метелица

Затянуло небо нежной пеленой,
Закружился снежный хоровод хмельной.
Белая метелица – строгая на вид,
То под ноги стелется, то в глаза пылит.

Ах, плутовка белая – озорство и стать,
Будем ночку целую в Новый Год гулять!
Ты такая чистая – всех белей—бела,
И когда ты быстро так землю убрала?

В белые одежды – лес поля и пруд
Где покос был прежде, твой теперь приют.
Замела, засеяла все белым—бело.
И узором северным выткала окно.

Выйду ли на улицу, гляну на село:
Белизною белой все забелено.
Новогодней ёлкой сердце мне зажгла.
Поцелуй твой колкий – ни добра, ни зла.

Подковала смелая снежного коня
И подковы сделала все из хрусталя.
Быстрою кометой унесет он вдаль,
Песней, ветром спетой разгонять печаль.

Унеси нас в поле – в свой чертог, метель,
Упадем на воле в белую постель.

Будет всё наоборот

Буря, мгла и белый саван
Завернись скорей душа!
Пронеслись по сердцу сани
Скрипом зимнего ножа.
Сеть накинули на небо,
А в ловитве – мелочь всё!
Чешуёй морозной небыль
Сыплет, сыплет – занесёт.
Уходи в свою обитель
День короткий, как трава.
Падай, падай – ты убитый.
Выходи галить зима!
Я дождусь весны и невод
Потащу по небу вброд.
Ты не спрячешься быть-небыль
Будет всё наоборот

Полосатая жизнь

Вон за той полоской белой, что навеяли метели,
вон за той полоской тонкой,
где тумана только плёнка,
и за той, такой же нежной,
где проклюнулся подснежник,
или даже за зелёной,
где в тебя ещё влюблённый
и за той ржаной и спелой...

точно, я сказал за белой
той полоской полежу.
Полосатая жизнь – жуть!

«Долго ли падали...»

Долго ли падали...
Да нет – под снегом все,
мытьём ли катаньем —
будет ответ зиме,
мысли все выбелит:
в них она знает толк.
С новыми видами
с чистых начнём листов.
Я же открою тот,
где ты белым-бела,
где самый первый год
ты лишь моей была...

Зима-февраль

Мертвецки пьяный ходит по земле —
идёт и падает – унылый путник снег,
и про себя бормочет тихо что-то.
С утра, с похмелья ветра в рот набрав,
он топчется подолгу у канав
пытается войти в свои ворота,
и у заборов завернувшись в плед,
лежит, подолгу сгорбившись сугробом.
И, кажется, то человек убогий
сидит и смотрит постоянно вслед.

Тоска стоит над городом. Висит
в замёрзшем небе белая колючка.
Зима, уже приняв приличный вид,
(до рождества ходила голой – штучка!)
оделась в западное всё (из секонд-хенда?)
Ну, что ж остался только месяц ей аренды —
пускай гуляет, всё ж немолода,
ей тоже нужно находить кого-то.
По сотке СМС-ки холода
приходят ей, но всё не те. Работа
её замучила. Для школьников – лафа:
пять дней в неделю дурака валяют.
А акимат уже готовит к маю
комиссию для встречи половодья,

и в бизнес-план – зимы вошли угодья.
Спеши подруга, делай урожай,
Аэропорт потом – аужежай!*

А снег лежит. И, тишина такая,
как в преферансе после сдачи карт.
Величествен пейзаж – зима на троне
и вязь следов на ней как боди-арт!
Она спокойна, ведь её не тронут,
пока у женщин есть защитник – март.

*– аэропорт (каз.)

«Изумрудная трава уже под снегом...»

Изумрудная трава уже под снегом.
В синем пламени камина стих горит.
В беспорядке полном чувства ходят следом.
Муторно как всё... Не говори.

Мне не трудно, но она же виновата.
Знаю я, что я мужчина. Сделать шаг?
Как всегда бывает, а потом расплата...
Будет так. Пусть снова будет так.

ВЕСНА

*«Мы должны быть энергичными, свободными,
даже уметь злиться так – как мы чувствуем весну»
(Из книги «Живая вода»)*

Майский жук

Он вырвался из мая вверх,
Купаясь в тёплых, плотных струях,
Пропал, парит. А я, на грех,
Навстречу шёл, с собой толкуя.

И в переходе временном
Я оказался мигом позже.
Как будто за одним столом
Со временем пью чай. Похоже,

С полётом майского жука
Пространство искривилось где-то
И время замерло слегка,
Попав в звенящий полдень лета.

Порыв желания возник,
Прошу – останься. Будет легче!

Оно сказала: « Лишь на миг —
Остановлюсь – увидишь вечность.

Не стоит торопить меня
И останавливать не стоит.
Теперь ты сможешь сам понять,
Какой судьбою удостоен».

Удар в плечо! Я ощутил —
Пахнуло прошлым. Время, где ты?
Жук на излёте со всех сил
Со мной столкнулся, как ракета.

Упал в блестящую траву
И лапками сучит. Я знаю.
Когда, когда-нибудь умру
Я в жизни той себя узнаю...

«Свет утра слепого сладкого...»

Свет утра слепого сладкого
в прозрачном весеннем воздухе,
по первопутку, мягко так,
неторопливо, с отдыхом

коснулся степи разбуженной
мазком акварели розовым,
и был непременно нужен он,
и был поимённо роздан он.

Подснежник тянулся ножкою,
и в чайную чашечку белую
налил себе света немножко —
он знает, что с этим делают.

Весны привлечённый запахом,
пушистый зверёныш серенький,
поднялся на задние лапы так,
что свет его греет спереди.

Блестят уголёчки чёрные,
в них тает заря сладостно,
мешая судьбу привольную
с беспечной хомячьей радостью

«Наглotalся солнца снег ...»

Наглotalся солнца снег —
Давится лучами,
А зима от вешних нег
Маётся и плачет.
В эту ростепель-купель
Просится стихами
Окунуть меня апрель —
Всё начнём иначе!

Я заброшу в слёзы вод
В каждую по солнцу,
Пусть с травой прорастёт
Всё, чего желаю!
Будет стих мой, как капель
И нежней и звонче,
Расстели весна постель
Мне на солнце, с краю...

Равноденствие

Коты, разомлев, хитро жмурились в небо,
Поэты заранее были пьяны *,
Хотя перевес на часах еще не был
В ту сторону, где уже все влюблены.

Бежала вода по сосулькам карнизов —
Шприцы наполнялись раствором от сна.
А люди смотрели с улыбками снизу,
И – капельно – в кровь им вливалась весна.

А солнце катилось шаром бильiardным
От лужи одной карамболом к другой.
И рады все солнечным были ударам,
А луза заката стояла пустой.

А роза упала на лапу Азора!
Коты прокричали и кинулись прочь.
И как в теореме (штаны Пифагора) —
Повисли на плечи весов... день и ночь.

* – День поэзии накануне дня весеннего равноденствия.

Весенний завтрак

Лёд тронулся и съеден был реки пустым желудком длинным.

А в небе в белых клёцках плыл бульон из утки с жирным пятном. Природа аппетит, за зиму нагулявшим, дарит:
На завтрак солнце. Стол накрыт и птички, словно на базаре,

несли свой воробьиный вздор и таявший навоз клевали. Кусты сирени на весь двор надулись почками вначале, потом позеленели вдруг. А солнце толстыми снопами по крышам, по полям, вокруг, раскидывалось меж домами...

Коты валялись так, без дела, пока завалинку заняв. Петух с утра кричал не смело, потом своих добился прав. А старый в масленицу был весне пожертвован. И скоро зимы-злодейки след простыл. Последний – тает под забором.

Белый лист

Потоки слов бурлящих снеговые
Вновь растопили белый снег листа,
Ручьями строк идущих параллельно.
Все больше набегая, как живые
Оттаивали новые места
И становились строфами отдельно.

И белый лист, покрытый коркой тонкой
Еще неясных но горячих мыслей
С узором от проталин кружевных
Сверкал, блестел, манил каплей звонкой
Весенней рифмы, оторвавшись, плыл с ней
Себя кусками разорвав на стих.

И мыслила в стихах сама природа
Неторопливо и непримиримо,
От радости, что знает точный путь.
И разливалась по листу свобода
Ручьями чувств, так таявших красиво
И не боявшихся в потоке утонуть,

Слов, что вели в промоины, овраги
И замутили ритмом снега чистоту,
Отдавшего всего себя так смело
И получившего в конце концов в замен отваге

Стихи, что засорили поля наготу,
Или засеяли так грубо, неумело.

Стихи, которые не проросли травой,
Не стали сорняками в грядках книг,
Не полотых уже давно никем,
Рожденных каждый раз все новою весной
И убивающей листа священный лик —
Как чистый белый снег. Зачем?

Пуškai шумят весенние ручьи
Ведь он придет когда-то – белый снег!
И для того он чист, чтоб белым быть листом,
Который ждет, когда придут они —
Ручьи, освободят от молчаливых нег...
Хорошее засеется и прорастет потом.

Поцелуй зимы

Островок белеет снежный
посреди травы сухой.
Он осколок жизни прежней,
называвшейся зимой.
Вот совсем недавно было:
снег сошёл и снова лёг.
Но зима, теряла силы...
и – остался островок.
А была когда-то нежной,
белой как детей душа.
Землю в белые одежды
одевала не спеша.
И с метелицею чистой
мы гуляли по ночам.
Хоровод снежинок быстрый
все кружился тут и там.
Как закружит вихрем сани,
унесёт вперёд и вдаль.
Не полюбит и обманет,
а разгонит лишь печаль.
А в снегах искрилась радость
и надежда не спала...
И земля впитала сладость
снега – белого вина!
Островок подтаял снежный

и уходит в землю сок.
А оттуда безмятежный
пробивается цветок —
Распускается подснежник!
В нем весну узнали мы.
Запоздалый, самый нежный
поцелуй седой зимы.

СТИХИ О ЛЮБВИ

Лунный глаз

Когда из Леты лунный глаз
Блеснет как рыбка каплей света,
По строчкам унесет Пегас
Нас в сон, рожденный из сонета.

Настрою звездный ксилофон,
По бликам этим, выгнув шею,
И станешь ты играть на нем,
Акомпанируя Орфею.

И серебристых пескарей
В бездонном лунном озере
Я поскорей поймаю всех,

И будет долго на лице
Твоем улыбка отрешенья,
Что лучшее мне утешенье.

Урок любви

Когда в уста его вдыхают боги
Вкус жажды – пить из наслажденья струй,
Он к той губам спешит стелить дороги,
Чей встречный ему дорог поцелуй;

Когда притворной нежности не зная,
Лишь страсти выход дав и воле рук,
Все дальше заходя, в святых святая...
Любви урок дает подружке друг;

Когда, устав от напускного гнева
До томности в глазах доведена,
Еще в смущении пылает дева —
Дрожит в руках, желания полна;

То мы, кто испытал любви уроки —
Раздумьем лишь наполним вдох глубокий.

Любовь внутри

Мы носом тыркаемся в темноте
И ждем, словно котят поощренья...
Нам с детства похвалы привычны те,
Родительского шепот умиленья.

И удивляемся, лишь сделав верный шаг,
Что нет со стороны рукоплесканья —
Привыкшие к награде за пустяк,
Всеобщего не получив признанья.

Но понимаем, повзрослев настолько,
Что сами мы себя... оцениваем только:
Свой голос восхищенья вырос в нас

От той большой и искренней любви,
Что дали нам — любимые они,
Кто любящих всегда не сводят глаз.

Сонет о любви роботов

Батарейку взял мою бой-френд,
И свою мне вставил – так удачно.
А прикол весь в том, что сделал бренд:
Типа, чувств обмен неоднозначный.

Я люблю зарядку эту так —
Как безумная, чему не знаю рада!
Он меня зарядит, как дурак!
Нет, чтоб нам всё делать так, как надо.
И когда я отключу его
От питания, ну, вроде бы случайно,
Он меня отключит и – пливём,
Глючит в кайфе нас необычайно!

Вот не знаем мы: любовь иль нет —
Батарейками меняться тет-а-тет.

Сапфо

«Потом жарким я обливаюсь, дрожью члены все охвачены.

Зеленее становлюсь травы, и вот-вот как будто, с жизнью прощусь я.»

(из элегии Сапфо. 7 век до н. э.)

*Пяльцами вод Эгейских
остров Лесбос распластан
Женское сердце – бейся
в ласках.*

*Дрожью любовной лебеда,
члены мои все охвачены!
Страстью Сапфо элегия
плачет:*

*Стану травой зелёною —
ты окунись в мои росы.
Тело моё затаённого
просит.*

*Стану налимом-окунем,
ты урони в реку перстень.
Я проплыву рядом, около
персей.*

*Степью цветистой лягу я,
нежно бутона
...коснутся уста.*

*Пить из очей твоих взгляда яд
не устать.*

*Буду любви воровкой
богу я слово молвить.*

*Пусть Зевс пронзит сердце робкое
молнией.*

*И Афродита – дочь его
вылечит страсти раны,
чтоб не болели ночью твои
вулканы.*

Сожму ладонь – в ней женская рука,
И сразу пробивает током.
Она и невесома и легка,
Но в ней всю жизнь мою запрятал кто-то.

Сонетное сплетение о превратностях любви

*И взгляда, проникающего сквозь
Я не боюсь. Ужели равнодушен?
В обёртку упакована любовь,
А бантик просто так, на всякий случай.
Иллюзия, что можно потянуть
За краешек атласной ленты время
И страсть опять наполнит стоном грудь,
И голос твой услышу в трубке – «верь мне!»
И буду обрывать я провода,
И набирать дрожащим пальцем слово...
В начале было слово – слово «да!»
«д» -«а»... и сращены тела.
Пустого звука не услышу боле.
Зачем мне жизнь тогда и эта воля...

*Зачем мне жизнь тогда и эта воля?
Моим устам не обрести уста
Твои, не прорости от боли,
Чудесней нет которой. И, устав,
Нам не заснуть опять, как два в одном —
Сюрприз не повторится, как в рекламе.
Я пью всё залпом. Тоника со льдом
Абсент не терпит – холод между нами,
А не внутри. И тёплый мягкий зверь
Не спутал ноги лаской и уютом...
Ты крикнула мне в трубку: «я не верю!»
Творить и разрушать улыбки утром*

*Твои права. Захочешь.... А пока,
Несёт нас подсознания река.*

*Несёт нас подсознания река
Врозь друг от друга. Холод леденящий
Опутал мозг. Крутые берега,
Воздвигнутые отчуждением нашим,
Росли как горе. Не было причин
Спротивляться этому потоку.
И только сердца ком стоял один
Внутри, не уступая року.
И время сделало свой новый вдох
Из тела моего, без всяких граций,
Оставив бездыханным. Рук ни ног
Нет, чтобы оттолкнуться и цепляться.
И это был урок страшнее смерти...
И вот тогда звонок раздался: «Верь мне!»*

*И вот тогда звонок раздался: «Верь мне!»
И, словно спрятанный в мешок из кожи, я
Жизнь ощутил всем этим телом бrenным,
В сознание постепенно приходя.
Была весна. Земля вся ожила.
Вплетала из цветов гирлянды в косы.
И в воздухе опять любовь плыла.
И я не задавал уже вопроса —
Дышать мне, не дышать... Само собой —
Я мог теперь увидеться с тобой!
Я трубку прокричал: «Люблю и ждущу!».
И мне хотелось в небо на виду
У всех подняться и парить, вдвоём...
А ты сказала: «Мы куда пойдём?»*

*А ты сказала: «Мы куда пойдём?»
Я ощутил в твоих словах отвагу.
– Ты на край света хочешь за дождём?
Я соберу тебе букет из радуг.
Или давай под парус, в пену струй,
Телами бронзовыми рассекая воздух.
Губам потрескавшимся – поцелуй
Сердцам, в разлуке трепыхавшим – отдых.
А хочешь на молочной каше звёзд
Я маслом нарисую твоё имя,
И в обрамление – фейерверк из роз?
Ну, как я расписал программу нашу?
– Ты слышишь? – Слышу, продолжай, валяй —
Сказала – Маслом не испортишь кашу.*

*Сказала: «Маслом не испортишь кашу».
Наверно губы красила уже.
Ах, эти губки! Где найти вас краше!
Ах, эти ножки, попка в negligje.
– Я это не тебе, я просто так,
С собой болтаю – очумел от счастья.
Ну, почему так сразу и дурак?
Ты там готова? В душ сходила? Здравсьте!
Что значит «раскатал губу», скажи,
Мы что, уже не... а, тогда понятно.
Но, ты же понимаешь – миражи,
Фантазии! Они всегда приятны.
Ну, душу не томи и приходи.
Ну, вот ещё! Критические дни.*

Ну, вот. Ещё критические дни,

*Томление не нужных ожиданий
Когда бы наперёд всё знать, от них
Бежал бы я, от этих стен и зданий.
В поля, в леса, в космическую глушь,
Отпиливать у звёзд пяти-конечность,
И околачивать со звёздных груш,
Твой образ, на пути застывший
« Млечном»,
Твою любовь. Я так того хочу...
Но, голос в трубку: Ты чего застыл там?
– Нет, милая, я здесь, я не молчу,
Я просто, из контекста выбыл.
Ты знаешь, у меня почти идея:
Давай в театр пойдём, на самом деле?*

С другой стороны эха

*Ты гонялась за облаком горлинок,
но оно превратилось в журавлика.
Я с другой стороны шёл мечтающим гоблином,
очень грустным, несчастным и маленьким.
Пропищала ты – эй, поиграй со мной!
Хочешь бегать за эхом блуждающим?
Ты с другой стороны на меня лай и вой —
обратись псом косматым и лающим.
Я подумал – косматым, а запросто!
Чем ловить только будешь, красавица?
И залаял, на задние лапы привстав,
побежали – какая нам разница.
Грусть прошла, я скакал по горам-долам,
ты ловила мой голос, старалась так.
Разделили потом мы его – пополам,
это эхо, и стало нам радостно.
Это эхо с тех пор у тебя и меня,
я брешу всё, и ты птица та ещё.
А с другой стороны, нам друг друга понять,
помогло это эхо блуждающее.
Это было, а может... наврал я вам.
Но, с другой стороны, нет же разницы,
что сказал, написал – верим мы не словам,
а сокрытому между строк празднику.*

Во имя всего земного

(баллада об ангеле)

– Давай же начнём всё снова,

Уймём этот адский жар

Так ангел под ночи покровом

К девице в саду приставал.

– Богиня! Ну, будь смела!

Подвластно желанье одно нам,

Душа ведь у нас одна —

Во имя всего земного.

Любовным утехам не новым

И раньше служил этот сад.

– А помнишь, когда-то ты слово

Со стоном произнесла?

Мне больно не знать услад,

Но я не молю иного

Скажи его! Я буду рад!

Во имя всего земного!

Я был паренёк бескрылый,

А ты была так молода,

И этот же сад укрыл нас...

Со страстью взгляни назад.

«Ты бог!» мне сказала тогда.

Ты, можешь назвать меня снова?

Скажи я молю, те слова —

Во имя всего земного!

– Эх, ангел! Нельзя те слова.

Они были жизнь — не товар.

Лепесток второй

*Из книги
«Солнце-бумеранг»*

Луковица в башке

*– Что с ним... не знаешь?...
– У него луковица в башке проросла...
(Сальвадор Дали. Поэма «Метаморфозы
Нарцисса»)*

Оказался цельным таким этот год...
ну, словно плевочек на летнем пейзаже,
обозначив море и мой пароход,
пароход белый – беленький даже.

Схорониться бы... под лист лопуха,
Почему бы и нет – кузнечиком, птичкою.
Станет солнце протуберанцами махать
и разбудит внутри что-то личное.

Полететь, попрыгать, поползти на лист —
столько сразу мечт свежих и разных.

Сочинить двадцатую рапсодию Листа —
и наступит момент истины сразу.

Говорят «луковица в башке завелась»,
и вы чувствуете, что-то должно прорасти,
и вот-вот даст стрелку она, и у вас
может даже распустится новый стих.

Я кузнечиком выверну коленки ног,
на цыпочки встану, до крылышек дотянусь!
И поймёте вы сразу, как же я мог
скрыть эту радость, спрятанную в грусть.

Перфоманс

Волосы ивы мелирует осень-
цирюльник.

Прячет в коробочки лето болотный
багульник.

Тополь оливково-гладкий и
самодовольный
носит «площадку» – гнездиться пернатым
привольно.

Ножки на макси под «мини» у девочек-
школьниц.

Ветер коленки целует им с каждой
знакомясь.

Смотрит на этот открытый пейзажный
перфоманс

время-художник: добавить здесь
голового, что ли?

Ранней весна будет – яшень лысеет
с верхушки.

Ветви как тушью зачёркнутый, чей то
рисунок.

Белые стайки берёз собрались
на опушке —
лёгкий берёзовый шлейф и прозрачен и
гулок.

Хепенингом листопад – что-то чем-то

прикрыто.

У виртуальности голой пейзажик

в истоках:

вывернутый симулякр – в ископаемой
рыбе

и в древовидном рисунке – морозом
на стёклах.

Голого нужно добавить? Почти
инстинктивно:

акция концептуальности – вон от
картины!

Медную лампу природы протри
Аладдином —

истина где-то же рядом, но только не видно.

Манна

1.

На пяльцах горизонта неба нет.
Как сито белая канва нависла крышей,
и осыпаются из вышивки застывшей
колючие ледышки-лепестки...
А солнца след
замёрзшей сердцевиной издали
чуть виден.
С чешуёй и ленью люди
на площади – заледенелом блюде
собрались коченеть, как в холодильнике линии.
Ждут манны.
Сыплет сверху дирижабль
с рефрижератора, чтобы была свежее!
Мол, нате вам того, что нам не жаль:
с остывшего вулкана – извержение.

2.

Где-то по рекам задумчиво рыбы
парами ходят и стаями.
Жаль, что мы люди – мы тоже могли бы
вместе, но только не стали мы.

Все улетели, оставив дома —
место какое-то гиблое.

Те, кто остались, те сходят с ума,
каждый по-своему, видимо.

Вон на деревья липкие слasti
с неба стекают разбитого.
Люди не лезьте же, слышите – слазьте!
Небо стеклить выходите вы.

Ходят зарницы, беспомощно бродят,
манна на яблонях белая.
Мечутся в сумерках тени-уроды...
Что же вы люди наделали?

А за Уралом, где небо несут ещё,
то, что кому-то оставили,
ходят задумчиво в древнем лесу
звери по парам и стаями.

Пляшут коровы

серые-серые пляшут коровы
пляшут и пляшут всю ночь они

туча-стена к ним опустится ровная
и постоит у обочины

к туче они подойдут по одной
им подоиться захочется

трутся и трутся о стену спиной
туча для них как молочница

выйдет задумчивый ветер-косарь
сена накосит им тучного

солнце-маляр свой повесит фонарь
белым покрасит всё луч его

белыми станут коровы тогда
пляшут и пляшут весь день они

туча-стена в стороне станет ждать
серых коров с нетерпением

«В прошедшей жизни стержнем...»

В прошедшей жизни стержнем
Ведро любви застряло.
У времени надежды
Совсем осталось мало.
И как не влезть травинкой
В игольное ушко —
Из двух из половинок
Секунду сшить легко.
Когда у козодоя
Напьешься молока,
И станет тебя двое —
И станет жизнь легка.
Из липовой черешни
Пьёшь липовый кисель,
А ночью вместе с лешим..
Прядёшь себе кудель.
И с паучонком мудрым
Натягиваешь сеть
И ловишь снова утро
Чтоб в лето улететь.

Ловушка снов

Кошмары умирают в нитях
от солнечного света утром.
Снов мудрых мало. Как ловить их?
Ловушку сделай. Соберутся
они в кольцо из тонкой ивы —
пером совы мы их там ловим.
Ты волосом из конской гривы
круг привяжи над изголовьем.
Но главное, ни в том, а в этом:
Шаману племени Лакота
«учитель мудрости» советы
во сне давал начать охоту
на сны. Тот выполнил и, всё же,
они не шли. Учитель больше
не появлялся, он, похоже
забыл. В вигваме год пошёл
второй, как амулет повесил
шаман. Висел бы он поныне.

Но вдруг, всё получилось — есть он,
тот сон! Кошмары в паутине
застряли. Пауки те нити
сплели вокруг кольца и дело
пошло. С тех пор всегда наитье
из снов приходит всем, кто сделал

ловушку снов.

Попробуй сам.

Индейцы знали цену снам.

«Случилось так у этой наготы...»

Случилось так у этой наготы
безлесья я попал в твоё безлесье:
колючка солнца тускло где-то светит,
кругом всё белое и белая вся ты.
И тишина блистательно поёт
из неба перламутровой ракушки,
а мы с тобой две белые кукушки,
а мы с тобой жемчужины две... вот!

Бегство без правил

С бумажною душой не устоишь —
она легка, но клинит поясница.
Не дай же бог такому мне присниться,
чтоб был карман пустой и... скука лишь.
Сошёл с ума, с подножки соскочив,
трамвайной ли, автобусной — неважно.
Всего-то дел — я жил и буду жив,
изложенным и на листе бумажном!
Я жизни этой длинный лабиринт
прошёл легко и даже где-то, верил
в какой-то смысл. Не умер, не убит,
но нет дороги — нет. И это скверно.
И будто бы сбежав из ниоткуда,
бегу я в глушь, в деревню, в вечность. Пусть!
Пока второе не успели блюдо
подать... В меню опять на ужин грусть.

Осень везде

Умирающе искренна
Осень в неге медовой.
Листопадом забрызганы
Все тропинки у дома.
Нет восторгов неистовых
В дегустации чувств.
В торт заката слоистого
Я поставил свечу.

Как найти равновесие?
Осень дай мне опору.
Может в этом и есть оно —
Знать, что лето не скоро.
Мысль совсем не колышется
Паутинкой висит
Нет у осени лишнего,
Даже траурный вид.

На край света ответ искать
Полечу, буду первым.
Если в небо есть лестница,
Это осень наверно.
Там у белого месяца
Рог такой же, как здесь,
Значит есть где повеситься —

Значит осень везде.

Он смог

Двери гавкнули в подъезде,
визгнул лифт, поспешно вниз
с эхом опускаясь в бездну,
пасти створки разошлись —
с шумом полный сделал выдох,
снова вдох и... вверх пополз,
хоть с трудом, но было видно
он на то и верный пёс.
Поскулил, тащась и, замер,
перевёл дыхание в стон
и открылся, голосами,
словно лаем напоён.
Сразу весь пролёт этажный
брешет гулко, как бульдог.
Лифт доволен — молча, важно
он стоит. Он снова смог.

Солнце-бумеранг

Ссутулился вечер, блеснула луна
Потерянным пятаком.
А солнца чуть только спина видна:
Ушло оно за кордон.

Сжимается в сумерках тесный мирок,
А солнце как бумеранг
Под музыку ночи – тяжёлый рок
Летит туда грабить банк.

А утром должно возвратится назад.
Все знают его и ждут.
Всё золото света – немыслимый клад
Подарит, как Робин гуд.

Но вновь бумеранг улетел – есть закон:
Не нужно же жадничать так!
И с ним всё богатство ушло за кордон,
Остался луны пятак.

Странные стихи

(по мотивам Экзюпери: «Маленький принц»)

1.

Об осиновый кол разобью самолётик свой
И пойду собирать закаты, пока не остынут,
А у розы ветров оборву все шипы и... в отстой!
Я военный лётчик, стрелявший закату в спину.

У морской черепахи панцирь – хороший круг.
Кольца лет как у дерева вычерчены мишенью.
И невольно в гашетку впиваются пальцы рук —
У военного лётчика в круге свои ощущения.

Там ушедшие годы летят и кричат – от винта!
В телевизор невидящим я упираюсь взглядом.
В перекрестье прицела горят все закаты так,
Как сгорают военный лётчик у входа ада.

Я пройду пепелища и снов, и надломленных лет.
Я уже не военный летчик, а Принц из книжки.
Но как Маленький я всё ловлю тот оранжевый свет,
Мой закат догорел. Я его расстрелял, вот
...в чём фишка.

2.

Чёрною шляпой ночь с четырёх сторон...

Длинный удав, извиваясь, крадётся по рельсам.
Уши слона не вмещаются в узкий вагон —
рвётся ночной неба шёлк, больно уши режет.

Этот рисунок не так изнутри хорош:
змея проглотил и слона, и военного лётчика!
Тот хаотично хохочет при виде рож,
тех, кто в удаве и... с ним удавиться хочет.

Маются — (тесно в утробе) сынки королей,
дети географов — те уже стали дельцами,
пьяницы (этих так много — никто не жалеет)
и честолюбцы, они туда вызвались сами...

А остальных и детей... любит Маленький принц.
Вместе с барашком уплыли они златокудрым
на астероид — ис-кусу змеи поддались...
Лис учит — сердцем смотреть и... ещё рано утром

стричь баобабы, вулканы палить — их там три,
как и у нас божьих лиц (кто их, собственно видел?)
Ты же, читатель, куда хочешь — сам посмотри:
скоро закат — поезжай туда... в солнечном лифте.

Ты на другой побываешь Планете людей
Тысячу с лишним бывает закатов там в сутки!
Есть и фонарики, но нет удавов и змей.
да, и почти не осталось змеиной их сути.

Дети сердцами там видят, как учит их Лис,
и помогают выращивать баобабы.
Из баобабов мосты опускают к нам вниз —
Прямо к Земле... Только это зачем всё им надо?

Роза, которую Принц приручил... пишет странные,
На лепесточках своих как закаты — стихи..
Принц её любит и греет своими вулканами.
Три — не потухли ещё... А закаты — близки...

Лист Цурэна

*По мотивам братьев Стругацких
«Трудно быть богом»*

Так лист увядший падает на душу,
Кружась и тонко источая смерть.
Уже не жжёт. Из жизни той удушья
Ушёл огонь, и вышла горлом медь.
И следом, вверх фонтаном брызнет время,
Растёртое о каменную боль.
А был? Она была мне только бремя
И порастёт быльём, глотая соль...

Покой и ясность, после безмятежность
Проткнут сознания вату – лёгкий бред.
А слово-лист упав, сам будет нежность
Будить. Ему нужды в помине нет
Во мне...

...Как ком рассыпалась земля
На запахи и стало так легко.
Из пыли солнечной путь в новые края
Упругий воздух вяжет —
Высоко!
Где жизнью бездну испытаю я!
А может, по-другому

лист увядший ляжет?

Свет звезды

Холодная звезда,
Ты умерла, но свет несёшь в пространстве.
Теперь со мной всегда
Осколком льда по новой жизни странствуй.
Ты выпила до дна
Душевных мук родник и сердца радость.
В груди печаль одна,
Но там за дверью сердца тоже рай есть.

Сомненье грудь саднит,
Страх коготь внутрь вонзает,
А чёрной ночи червь
Решётку рёбер грызть
Пытается. Но нить
Сознания не знает,
Что спрятана за дверь
Твоя вторая жизнь.

Немыслимо чиста,
Не удивляй, но радуй постоянством.
Всё склеили года
В неувядающем потоке странствий.
Стара ли молода,
Разорван лист, где было жизни имя
С начала до конца

Там в центре ты она неповторима.

На лёгких струнах струй
Сплетай сонеты слова.
Дождя нежданно дай
Над головами дынь.
Душа, на воду дуй —
По рёбрам градом снова
Пройдёт огонь – пускай,
А не придёт – остынь..

Карусель

Прошуршит каруселью жизнь,
Не успеешь увидеть май.
Если сможешь то улыбнись!
Он наступит, ты знай.

Непременно опять придёт.
Карусель не остановить —
Два конца жизни: быть – не быть,
Или – наоборот.

И вернётся в кристалл простой
Тот растянутый мудрый смысл,
Растворится опять водой,
Мысли новые смыв.

Не оставит ни страх ни боль,
Лишь те зёрна – из жизни той,
Что когда-то была тобой,
Превращая их в соль.

Амброзия

Там Дао парит, не имеющий имени,
Ложится, как ёжик спиной дождя.
Я руки и губы скорей пододвину им —
Тем иглам любовно пронзившим меня...
Яркий твой Перл озаряет мой мозг белым светом,
Золото в белый вливаясь, бессмертье рождает,
С неба летящих снежинок мой взор провожает
И всё цветы и цветы... Я не знаю ответа.

Чтобы прыжок совершить власть дракона и тигра
Слиться должны воедино духовностью яркой.
Солнца потоки впитает его парадигма —
Десять небесных стволов расцветут, как подарки.
Ясность, покой, безмятежность- вот мысли обитель
С ними огонь и вода — два конца той орбиты,
Где зарождается семя, энергию выпив
Этих двоих... Ствол живой или электролиты?
Флора, что ходит ногами осеннего ветра,
Корни, упрятав в живот, станет фауной скоро.
И человек, не дождавшись велений завета,
Солнце съедает, используя фауну с флорой.
Где же бессмертье, ведь всё умирает так скоро,
Кольца Земли посчитать, ещё сколько осталось?
Или пришествия ждём в сериале повтора,
Или пандиты подучат нас самую малость?

Грустью и страхом и гневом наполнится сердце,
Золото с белым прольётся на чёрный поток
И, тот зелёный росток – ему некуда деться
Даст нам бессмертье – Амброзию, райский цветок.

Золото Макены

*(по одноимённому американскому
фильму 70-тых годов)*

Два грифа с высоты
смотрели вниз...

Мы ждали, затаив дыханье. Ниц
упала тень. Скала слегка дрожала.

Ущелья стены разбежались вон,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.